

СПЕЦИФИКА ЖАНРОВОЙ ДОМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОГО РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Жанр исторического романа в мировой литературе нового времени появился относительно недавно, менее двухсот лет назад, благодаря творчеству В. Скотта и с тех пор необычайно интенсивно развивается. «Основная и первая трудность, встающая перед исследователем исторического романа, заключается в жанровой расплывчатости и неопределенности самого понятия «исторический роман». Этого термина нет ни в Большой советской, ни в Краткой литературной энциклопедиях, он не выделен отдельно в Словаре литературоведческих

терминов (1974), а в Литературном энциклопедическом словаре (1987) фигурирует только в тематическом перечне”, – справедливо отмечает Т. Комаровская [1, с. 11]. Нет этого термина также и в Литературной энциклопедии терминов и понятий под редакцией А. Николюкина (2001).

Предпринимая попытки дать определенную дефиницию исторического романа второй половины XX века, отечественные и зарубежные исследователи литературного процесса единодушно признают тот факт, что жанр исторического романа на современном этапе демонстрирует широчайший спектр художественных новшеств, небывалое разнообразие стилистических решений и приемов. В данной статье мы постараемся подойти к выявлению основных тенденций формирования жанровой доминанты исторического романа. Одной из основных ее характеристик мы считаем хронотоп, имеющий, по мнению М. Бахтина, “существенное жанрообразующее значение” [2, с. 235]. Вслед за М. Бахтиным мы понимаем под хронотопом “существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе... В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп” [2, с. 234-235].

Нам представляется важным для исследования процесса формирования хронотопа исторического романа обратиться к концепции М. Бахтина о соотношении древнего эпоса и романа как двух хронотопов в типологическом плане. Автор исходит из того, что роман по сравнению с древним эпосом открывает “новую зону построения литературных образов, именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности” [3, с. 455]. Зарождение исторического романа означало, таким образом, существенное изменение жанрового хронотопа: история и современность вступали в прямой контакт друг с другом, взаимно проникая и преобразуя друг друга. Освоив новую для эпического типа повествования территорию современности, роман вовлекает в поле своего действия и составляющую эпопеи – национальное прошлое. “Абсолютное прошлое” эпопеи преобразуется в “относительное прошлое” романа, обусловленное современным мировосприятием, точкой зрения современного повествования.

Подобная трансформация хронотопа исторического романа позволяет многим исследователям (Пауткин, Комаровская, Буадефр, Топер, Бертран и др.) считать ключевым для понимания его жанровой специфики на современном этапе и определяющим его доминанту вопрос о соотношении в его структуре истории и современности. А. Погрибный выражает доминирующую в современном литературоведении точку зрения о том, что “философская, политическая, нравственная проблематика, порождаемая насущной потребностью наших дней, определяет лицо произведений не меньше, чем собственно историческая тема” [4, с. 344].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что исторический роман обращается к художественному осмыслению минувшего, раскрывая при этом неразрывную связь прошлого и настоящего, а также во многом обусловленную ими перспективу движения общества к разумному будущему. История в нем служит той драматической и композиционной основой, которая определяет судьбы героев, объясняет их поступки, стремления, эволюцию. Р. Мерль в своем интервью Н. Поповой утверждает, что “корни многих сегодняшних конфликтов и противоречий –

международных, национальных и религиозных – уходят в прошлое. И сегодняшние проблемы невозможно решить, не зная прошлого... Прошлое и современность связаны гораздо более тесно, чем нам иногда кажется” [5, с. 85].

Предлагаемый французским писателем и критиком А. Стилем термин “исторический роман о современности” представляется нам наиболее точно отражающим основные тенденции развития жанра и отвечающим требованиям читательской публики и общества в целом в их стремлении найти в художественном произведении правдивые ответы на насущные вопросы дня сегодняшнего, осмыслить происходящие в мире сложные и противоречивые перемены.

Определение А. Стиля “исторический роман о современности” поднимает еще один чрезвычайно важный вопрос жанровой специфики – вопрос временной дистанции между изображаемым в романе историческим периодом и временем создания произведения. В общем потоке исторической романистики неуклонно возрастает число книг, сюжеты которых вплотную приближаются к текущей действительности. Исследователи говорят, с этой точки зрения, о зыбкости границ с современностью. Причины подобного явления видятся в уплотненном ритме общественной жизни, динамичном ходе истории XX века, которые, по мнению А. Баканова, все стремительнее “отодвигают в сознании людей явления, которые в другие эпохи казались бы живой современностью” [6, с. 30]. Столь динамичная смена этапов общественного развития ставит перед историческим романом совершенно новые вопросы и проблемы, требует их неотложного художественного осмысления и разрешения, в связи с чем произошел довольно решительный отказ от бытовавшего в литературоведении тезиса о том, что историческим может считаться роман, построенный на материале эпохи, удаленной от времени автора не менее чем на протяжении одной человеческой жизни.

Пьер Гамарра в своем определении исторического романа не уточняет его временные рамки. Исторический роман, по его мнению, есть “воспроизведение в форме романа повседневности исторического процесса” [7, с. 7]. Поэтому у П. Гамарра среди примеров исторического романа соседствуют роман Л. Арагона “Страстная неделя”, действие в котором отнесено к 1815 году, и романы А. Лану, воскрешающие события второй мировой войны. А. Баканов считает, что “историческая дистанция возможна не ко всякому прошлому, а к тем его этапам или явлениям, которые завершились, обрели прочные очертания и могут оцениваться целиком, как в истоках, так и в последствиях” [6, с. 29].

М. Кратохвил решающим в определении жанровой специфики рассматривает намерение, цель автора. “Если он хочет в своем произведении дать картину цельного и уже завершенного звена общественного развития, то в таком случае с полным правом можно говорить об историческом романе. При этом совершенно безразлично, как далеко или близко отстоит этот избранный автором отрезок времени, во всей его общественной широте или же воссоздаваемый через судьбу представляющего данное общество отдельного героя. И точно так же безразлично, как далеко или близко отстоит от современности временная граница изображенного действия при условии, что избранный цельный отрезок времени с точки зрения развития уже завершен” [8, с. 236]. М. Топер также отрицает возможность “дать строгую дефиницию исторического романа, исходя из тех или иных временных критериев”. Главным он считает “перелом в общественном сознании”. По его мнению, “повествование становится историческим, если между тем, что в нем изображено, и читательским мироощущением обозначился рубеж, делающий описанный период законченным и предопределяющий возможность столкновения времен, явного или скрытого, лежащего в основе замысла каждого исторического произведения” [9, с. 6-7].

Подходы отечественных и зарубежных литературоведов позволяют нам прийти к выводу, что время кристаллизации жизненного материала как основы для создания исторического романа может быть разным, даже совсем коротким, сообразуясь с самим характером бурного XX столетия. Главное заключается в том, насколько изображаемый период имеет выходы в современность, а также в авторской позиции и в способе осмысления материала как именно исторического.

Понимание этой диалектической связи "прошлое – настоящее" чрезвычайно важно для выработки историзма общественного, в том числе художественно-эстетического сознания. Л. Александрова утверждает в своем труде "Советский исторический роман и вопросы историзма", что историзм не отделим от художественного метода и является имманентным свойством реализма. Зарождение и развитие историзма в историческом романе связывается с творчеством В. Скотта, где этот эстетический принцип нашел свое выражение в концепции общественного развития, концепции истории и воплотился в художественной системе произведения – в позиции автора, в изображении характеров и обстоятельств в развитии, в их социальной детерминированности и причинно-следственных связях.

Л. Александрова отмечает, что на современном этапе "заметна тенденция к новому осмыслению действительности в произведениях, авторы которых задумываются над связью человека с движущейся историей, ее событийной основой, художественно осмысливают соотношенность человека и истории" [10, с. 68]. Но литературовед обращает наше внимание на необходимость различать историзм и "историчность" [10, с. 65], то есть воспроизведение в литературе фактов, событий, имевших место в жизни. Конечно же, историчность как процесс накопления фактов представляет собой своеобразный, иногда даже необходимый этап на пути к историзму с его всесторонним охватом ведущих тенденций эпохи и раскрытием содержания ее глубинных явлений. Но историчность не подразумевает типизации жизненных явлений и фактов, а стремится к фактографическому воссозданию их. Поэтому литературные критики едины во мнении, что для того, чтобы отнести роман к историческому жанру, далеко недостаточно просто исторической тематики. Подлинно художественные исторические произведения проникнуты историзмом и представляют не только эстетическую, но и историко-познавательную ценность.

Что же необходимо понимать под термином "историзм"? Новейший литературоведческий словарь-справочник (2003 г.) дает следующее его определение: "Историзм – литературоведческая категория, обозначающая не столько объективные факты, обращение того или иного писателя к исторической теме, эпохе, прошлому страны, сколько понимание причин и закономерностей исторического развития" [11, с. 42]. В. Кожин в статье "Историзм" литературной энциклопедии терминов и понятий под редакцией А. Николюкина (2001 г.) определяет историзм в литературе как художественное освоение конкретно-исторического содержания той или иной эпохи, а также ее неповторимого облика и колорита.

Определение ведущих тенденций эпохи, способствующих образному воспроизведению жизни в ее исторической перспективе и исторической ретроспекции, приводит писателя к созданию образа времени и типического героя эпохи. Принцип историзма в историческом романе предусматривает, таким образом, глубокий художественный анализ, исследование явлений жизни и фактов истории в их настоящем значении, в процессе возникновения, развития и в связи с другими явлениями эпохи. Исследователи отмечают усиление историзма как основного принципа воссоздания жизни минувших эпох.

Писателю, взявшемуся за историческую тему, сегодня недостаточно рассказать о событии, о судьбе или факте, извлеченном из прошлого. Нужно вклю-

читать это событие или факт в сложную систему координат, раскрыть его значение для той исторической эпохи, к которой он относится, и его современное значение. Автору исторического романа – здесь задача художника сродни задаче ученого-историка – необходимо умение понимать связи исторической эпохи и логику исторического движения, умение видеть явление в его развитии. Но В. Кожин обращает наше внимание также на существенное различие в подходах исторической науки и исторической романистики к отображению исторической действительности. Задача художника состоит не в том, чтобы сформулировать закономерности исторического развития, а в том, чтобы запечатлеть тончайшие отражения общего хода истории в поведении и сознании людей. Искусство призвано воплотить конкретно-историческое содержание в целостном образе человека. Художник видит человека и в неповторимости его индивидуального бытия, и в его сопряженности с общественными процессами времени, социальной и исторической действительностью эпохи.

Современная историческая наука претерпевает на сегодняшний день серьезную трансформацию, что неизбежно накладывает свой отпечаток на развитие исторического романа. Исследователь современной французской историографии М. Соколова констатирует обращение исторической науки к историко-философской проблематике – области, разработанной прежде сравнительно мало. Многие историки подчеркивали свой интерес к проблемам, лежащим на стыке истории с другими науками, такими, как социальная психология, палеопсихология, с тем, чтобы полнее раскрыть специфику отношения человека прошлого к фактам и явлениям своего времени. За документальным и фактическим материалом прошлого они пытались увидеть психологическую сущность эпохи, духовный мир людей. Значительно расширилось понятие “исторический документ” за счет дошедших до нашего времени устных преданий, предметов материальной культуры, данных гуманитарных наук. Знаменем эпохи стало сближение истории с антропологией, этнографией. Процесс обогащения исторической науки происходит за счет развития таких ее отраслей, как историческая психология, философия истории.

Значительное внимание в этой связи литературоведы уделяют вопросу отнесенности в художественном повествовании фактического, документального материала и авторского вымысла, признавая документализм его неотъемлемым свойством. Р. Филиппикова [12, с. 214] называет три фактора, которые способствовали усилению документальной основы в процессе создания исторического романа второй половины XX века. Во-первых, вторая мировая война явилась переломным рубежом в современной истории. Во-вторых, научно-техническая революция усилила тяготение к документальному, строго научному объяснению исторического облика определенной эпохи. В-третьих, опора писателей на документальную основу объясняется, по ее мнению, все большей политизацией художественной литературы.

Исследователи совершенно справедливо подчеркивают необходимость объективного подхода романиста к изображаемым фактам и явлениям. Сохранившиеся разнообразные документальные свидетельства служат романисту той основой, на которой он при помощи своей фантазии создает художественный образ эпохи, передает специфику социального сознания. Еще Н. Добролюбов признавал неоспоримым право автора “внести в историю свой вымысел, но вымысел этот основывать на истории, вывести его из самого естественного хода событий, неразрывно связать его со всей нитью исторического рассказа” [13, с. 101].

Для постижения прошлого во всей его самобытности, для восстановления правды о жизни народа, художник должен опираться на усвоенные и изученные

факты, на обширную документальную основу, на накопленный и переработанный им значительный материал о времени. Современная историческая романистика естественно интегрирует документ, добиваясь при этом двойного эффекта: правдивости и эстетической выразительности. Писатель отбирает из разнообразных документальных свидетельств наиболее характерное, а образующиеся в связи с этим пробелы в цепи событий восполняет с помощью вымысла, так как только при таком подходе характеры и обстоятельства могут быть воссозданы полно и целостно. Домысел, опирающийся на доскональные знания, окрыляет рассказ, скрупулезность ученого сопрягается с воображением поэта, что и помогает передать дух далекой поры. Художественное правдоподобие обладает иногда силой, которая недоступна простому жизненному факту.

Постоянное взаимодействие документальной основы и художественного вымысла определяет во многом притягательную силу современного исторического романа: он не дает раз и навсегда зафиксированного изображения, но побуждает к сотворчеству, высвобождает энергию ума и чувства, увлекает самим процессом воссоздания прошлого. Таким образом, обновление исторической науки, сдвиги в эстетическом мышлении, общие тенденции литературного процесса в наше время ведут к укреплению документального начала в исторической романистике в его диалектической сопряженности с авторским домислом.

Возникает еще одна важная составляющая жанра исторического романа – категория позиции автора, философии истории писателя. Историческое повествование предполагает совмещение двух взглядов – изнутри и извне – на воссоздаваемую эпоху. С одной стороны, художник обязан передать ее самобытность в целом и в деталях, в общем колорите картины и в отдельных красках. С другой, современный автор не может без остатка раствориться в стихии прошлого. Он обязательно предлагает и свою оценку истории. Как справедливо отмечает М. Бахтин, современность должна остаться “в самой форме видения, в глубине, остроте, широте и живости этого видения, но она вовсе не должна проникать в само изображенное содержание, как модернизирующая и искажающая своеобразие прошлого сила” [2, с. 472].

Объективная связь авторской концепции истории с современной действительностью и современным мироощущением обуславливает стремление осмыслить логику национальной истории, актуальность тех или иных эпох для настоящего. Н. Донченко полагает, что “в историческом романе единичное, явления и лица прошлого воплощают в себе такое духовное содержание, которое вбирает в себя представления и о конкретной эпохе, и об историческом процессе, и о современности. Это содержание, замешанное на диалектике истории и современности, вмещает в себя как модель изображаемого мира, так и авторское слово, одновременно обращенное к современному читателю и погруженное в прошлое. Таким образом, очерчиваются два структурных пласта, обусловленные взаимосвязью времен в романе: пласт художественного вымысла в его соотношении с исторической реальностью и пласт авторской речи” [14, с. 123]. Воплотить это двойное видение в романе можно по-разному: с помощью композиции, стиля, лексики, многообразных средств видения исторической перспективы, то есть не только в мировоззренческой концепции, но и в поэтике произведения.

Современный исторический роман становится интегральным. Сохраняя как основной жанровый признак сопряжение разных времен, он усваивает многие особенности социального, психологического, философского, политического романа и вливается в таком виде в современную литературу, тяготеющую к всеохватности и многомерности, стремится осмыслить и художественно отобразить не отдельные события, а сам исторический процесс, извлечь уроки националь-

ного и – шире – общечеловеческого значения. В свете этого выбор повествователя, героя-рассказчика в нем многое определяет.

Историческая мысль за последние десятилетия претерпела заметную эволюцию. Это касается, прежде всего, самого представления о движении истории. Факты истории в отличие от фактов во многих других областях знания – факты человеческие. Отсюда заметно возросший интерес исторической романистики к человеку в истории, его влиянию на исторический процесс, систему общественных ценностей. Возрождающийся гуманизм – явление не только мировоззренческое, а и эстетическое – то есть направление художественного романного поиска, принимающее человека не просто за главный объект, но именно за центр, средоточие и одновременно ракурс, в котором рассматривается вся картина исторической действительности.

Исторической романистике свойственно более активное авторское самовыявление, что дает себя знать, прежде всего, в повествовании от лица вымышленного героя. Все чаще ключевым персонажем исторического романа становится человек образованный, интеллигентный, ощущающий свою сопричастность народной судьбе, что позволяет авторам затронуть многообразные проблемы, волнующие человечество. Сложный внутренний мир такой личности дает возможность шире, эмоциональнее, острее воспринимать действительность, глубже понять логику движения истории, ее основные тенденции и закономерности. Человеческая индивидуальность – не только предмет, она и мерило, и инструмент, и своего рода посредник между нами и объективной исторической реальностью. А отсюда и стиль – зависимый от рассказчика, его личности, его душевного состояния, органически ассимилирующий и художественно преломляющий все достижения современного литературного процесса.

Таким образом, специфику жанровой доминанты исторического романа можно определить, на наш взгляд, следующими составляющими:

- 1) трансформация хронотопа исторического повествования, выдвигающая на первый план необходимую сопряженность времен, прошлого и настоящего, принцип связи с современностью;
- 2) намерение автора дать в своем произведении картину цельного, завершенного этапа общественного развития;
- 3) оформившийся рубеж между читательским мироощущением и изображенными в романе событиями;
- 4) усиление историзма как основного принципа воссоздания жизни минувших эпох;
- 5) укрепление документального начала в исторической прозе в его диалектической сопряженности с авторским домислом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комаровская Т.* Осмысление прошлого в американском историческом романе XX в. – Мн.: Изд-во МГПИ им. А.М. Горького, 1993. – 107с.
2. *Бахтин М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1988. – 524 с.
3. *Бахтин М.* Эпос и роман. – Мн.:СПб.: Азбука, 2000. – 300 с.
4. *Погрибный А.* Художественный конфликт и развитие современной советской прозы. – К.: Изд-во Киевского ун-та "Вища школа", 1981. – 199 с.
5. *Попова Н.* Два Робера: Парижские диалоги // Литературное обозрение. – 1988. – № 11. – С. 85-87.
6. *Баканов А.* Современный зарубежный исторический роман. – К.: Изд-во Киевского ун-та "Вища школа", 1989. – 184 с.
7. *Гамарра П.* Читая и перечитывая. – М.: Прогресс, 1975. – 368 с.

8. *Кореневская Н.* Автор и герой в историческом романе // Исторический роман в литературах социалистических стран Европы. – М.: Наука, 1989. – 267 с.
9. *Топер М.* Введение // Исторический роман в литературах социалистических стран Европы. – М.: Наука, 1989. – С. 7-12.
10. *Александрова Л.* Советский исторический роман и вопросы историзма. – К.: Изд-во Киевского ун-та “Вища школа”, 1971. – 146 с.
11. *Суслова Н., Усолицева Т.* Новейший литературоведческий словарь-справочник. – Мозырь: ООО ИД “Белый ветер”, 2003. – 152 с.
12. *Филипчикова Р.* Функция документа в историческом романе // Исторический роман в литературе социалистических стран Европы. – М.: Наука, 1989. – С. 214-242.
13. *Александрова Л.* Советский исторический роман: Типология и поэтика. – К.: Изд-во Киевского ун-та “Вища школа”, 1987. – 160 с.
14. *Донченко Н.* Жанровая специфика исторического романа // Исторический роман в литературе социалистических стран Европы. – М.: Наука, 1989. – 267 с.

SUMMARY

The article deals with the analysis of main trends in the development of the genre of the historical novel at present. The constituents of the genre dominant are defined.